

1854

БИБЛИОГРАФИЯ

«ИЗ № 1 „ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК“»

Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности. Том II, листы 1—15 (или 27—41 листы общего счета) и при них XXII—XLVI листы Прибавлений¹.

Опыт Словаря к Ипатьевской Летописи, г. Чернышевского, первый после словаря к «Остромирову Евангелию»² труд этого рода в русской литературе. Потому обратим внимание на план и исполнение этого труда, предполагая, что автор не оскорбится нашими замечаниями.

Словарь этот расположен по этимологическому порядку. И действительно, объяснительным словарям тех языков, в которых значение многих слов еще не определено, приличен этимологический порядок. Но к этимологическому словарю должен быть приложен алфавитный список слов, вошедших в него, по крайней мере, тех слов, производство которых неясно с первого взгляда для всякого. Г. Чернышевский не сделал этого, потому его словарем не совсем удобно пользоваться; и мы часто не знаем даже, под каким корнем надобно искать нужное нам слово, потому что словопроизводство — вещь довольно загадочная во всех языках, тем более в славянском, менее других обработанном. Приложить алфавитный список слов, в которых вид корня изменился или затмился, было бы тем необходимее, что автор иногда отступает от обыкновенного словопроизводства (иначе и не может быть при нынешнем состоянии славянской филологии); например, слово *соулиця* относит он к корню *соу-ти*, между тем как обыкновенно предполагается для этого слова корень *соул*; *въпити*, подобно *възъпити* относит он к корню *пи-ти* (= *пѣти*), а не к корню *въп*, — как обыкновенно. Нам кажется, что он слишком стеснил круг своих объяснений, решась объяснять Ипатьевскую Летопись

только одною Ипатьевскою Летописью и отказавшись преднамеренно от всех посторонних пособий. Потому он принужден оставить без объяснения множество слов, которых значение можно определить или уже давно известно, например, *кация, скоро, оловир, паволока, скорлат*, и оставить их без объяснения только потому, что они объясняются не Ипатьевскою Летописью. Г. Чернышевский ставит вопросительные знаки при словах, относительно которых он нетвердо уверен, правильно ли они объяснены у него; такая осторожность была бы излишнею, если бы он не был слишком мнителен: его сомнение очень часто скрывает под собою решительную достоверность. Мы совершенно согласны с г. Чернышевским в необходимости отличать от народных русских слов слова, заимствованные в наши летописи из церковнославянских книг, и слова, составленные нашими книжниками в подражание греческим или просто для витиеватости (последние слова называет он риторическими); но нам кажется, что и здесь он слишком осторожен; по нашему мнению, из слов на букву с к церковнославянским или риторическим словам, кроме отмеченных г. Чернышевским, в его словаре относятся еще: *насажение, въселеная, свѣрпыи, прѣсвятѣи, священомученик, осклабитися, свѣтоносныи, оусвѣтити, свѣтьлость, скрание, скръбь, неослабно, прѣславный, слышание, слоужитель, основа, поспѣшание, поспѣшник, спѣшник, срьдъчныи, достоить, достойныи, достояние, достохвальныи, наставник, оставление, прѣставитися, прѣставление, стонание, остлѣпити, строение, оустроение, поустроити, стоудныи, осоудитися, осоужение, исоушити, въсѣяти, оусѣкнути, посягати.*

«ИЗ № 5 „ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК“»

Федон, или о бессмертии души, Моисея Мендельсона.
Перевод с немецкаго В. Мызникова. Издание второе. Тифлис 1854. В 8 д. л. XXIX и 131 стр.

Мендельсонов «Федон» в русском переводе достигает второго издания! Следовательно, первое издание (правда, вышедшее еще в 1837 году) раскуплено? Это — явление утешительное в нашей литературе. Г. Мызников приобретает двойное право на благодарность нашу за свой перевод, когда мы видим, что его перевод сделан был не понапрасну, не остался навеки в книжных магазинах, как другие переводы и сочинения подобного содержания, а разошелся в публике. Объяснимся. Мы радуемся успеху «Федона» не потому, чтоб он мог в наше время считаться основательным трактатом о бессмертии души, а потому, что знакомство с сочинениями людей таких чистых и благородных душою, возвышенных по уму и по образу мыслей, как Мендельсон, приносит несомненную пользу читателям, хотя бы эти сочинения уже устарели.

Если мы, понимая беспредельность расстояния, отделяющего